

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 27-го июля 1903 года.

Очерки жизни самоѣдовъ.

Назадъ тому нѣсколько лѣтъ я хорошо ознакомился съ инородцами Северо-западной Сибири. Я пишу о нихъ кой-какіе очерки въ датскихъ журналахъ, которыми хочу поѣлиться и съ читателями „Сиб. Жизни“. Очерки мои относятся къ отдаленной окраинѣ русс. сѣвера, отъ Бѣлаго моря до губы Енисея.

Когда я прѣѣхалъ въ тундры и когда вѣсть о моемъ прѣѣздѣ разнеслась по улудамъ, то многіе богатые самоѣды (имѣющіе 500—4000 головъ оленей) нѣрѣдко посылали за мной своихъ пастуховъ съ санями, запяженными оленями, съ разукрасенной сбруей. Бывало, прѣѣдешь въ чумъ, — коническій скелетъ, изъ 20 длинныхъ жердей, покрытый оленьими шкурами зимою и березовой корою — дѣлать, — хозяинъ всегда торжественно и не безъ сочувствія вводитъ тебя въ чумъ и усадить на почетное мѣсто. Векорѣ послѣ этого младшая хозяйка (богатые самоѣды имѣютъ по двѣ жены, которая покупаются или на деньги, или на оленей, — какъ бы выжениваются) подноситъ сперва вареный олений языкъ, если лѣтомъ, и мерзлый — зимою. Послѣ этого — сырую оленью голову, къ фѣдѣ которой я мало по малу привыкъ, или вѣрнѣе, научился ѣсть ее... Послѣ сырого мяса, обыкновенно слѣдовалъ чай: кирпичный, и безъ сахара, но съ мерзлымъ ржанымъ хлѣбомъ. Назадъ тому 20—25 лѣтъ не только бѣдные, но и богатые самоѣды не знали ни чая, ни хлѣба, а иначе безъ этого плохо обходятся и самые бѣдные.

Вѣсь самоѣды, хотя-бы и крещеные, держатся шаманства, — это какъ-бы вселось имъ въ кровь.

Часто я видѣлъ у нихъ, что иконы стояли рядомъ съ изображеніями идоловъ вродѣ куколъ, — для нихъ одинаково цѣны тѣ и другіе. Представители самоѣдскаго культа — шаманы, которые, конечно, имѣютъ большое вліяніе на нихъ и пользуются почетомъ. Самоѣды безусловно вѣрятъ во всія предсказанія шамановъ, какъ бы онѣ бессмысленны не были. При всякомъ случаѣ: болѣзни, несчастьи и пр., — самоѣды обращаются къ шаманству. Предсказаніе будущаго связано съ особенно дикими церемоніями ритуального свойства и характера. Въ чумѣ раскладывается костеръ, который окружается всей семьей, съ шаманомъ во главѣ, причѣмъ вѣс садятся, кромѣ послѣднего. Когда вступленіе къ церемоніи готово, шаманъ беретъ бубень съ разными символическими изображеніями и начинаетъ неистово бить въ него. При этомъ онъ кричитъ ужаснымъ голосомъ, якобы призывая боговъ: Гей-гей-гей!.. Гой-гой-гой!.. — и пр. За нимъ всѣ участники дѣлаютъ тоже самое и начинается бѣнованіе...

Звонъ бубна и крики постепенно растутъ и переходятъ въ какой-то дикій вой и гулъ. Покой ночи нарушается этимъ дикимъ хаосомъ

звуконъ и, какъ-бы, все дрожитъ и трепещетъ въ безмолвіи сибирской ночи. Потомъ шаманъ начинаетъ прыгать и всячески ломаться, пока его движенія не перейдутъ въ конвульсіи, и онъ падаетъ въ полномъ безсудіи. Иногда церемонія продолжается цѣлыя сутки, наполняя дикимъ воемъ и крикомъ тундру. Обыкновенно предсказанія шамановъ не сбываются, но отъ этого они ничего не теряютъ: они отлично умѣютъ нагнать туманъ въ головы вѣрующихъ и все объяснить...

Есть у самоѣдовъ святани въ лѣсахъ — одиноко стоящіе лиственницы, увѣшанные разноцветными тряпками, мѣдными кольцами и оленьими черепами. Эти лиственницы представляютъ

Утѣсь Чѣшь на р. Томи близъ г. Кузнецка.

собой Боговъ, къ которымъ самоѣды несутъ всѣ свои горести и печали... Въ жертву своимъ идоламъ они приносятъ молодыхъ оленей, которыхъ обыкновенно душатъ на глазахъ своего Бога. Изъ удавленнаго животнаго вынимаютъ сердце, отрѣзываютъ грудь, языкъ и все это варятъ. Часть этихъ внутренностей и мяса они оставляютъ для пропитанія боговъ, съ цѣлю умилостивить ихъ. Сами же самоѣды предпочитаютъ сырое мясо, которое пожируютъ въ громадномъ количествѣ, обмакивая нарѣзанные куски его въ теплую кровь животнаго, и смакуя ихъ.

Мертвыхъ они хоронятъ такъ. Послѣ обряда мертвеца завертываютъ въ шкуру, выносятъ въ тундру и прикрываютъ крѣпкимъ ящикомъ изъ плавника, выброшеннаго по берегамъ рѣкъ и губъ, чтобы предохранить покойника отъ съѣденія хищными звѣрями. Весьма печальное впечатлѣніе производятъ попадающія въ тундру самоѣдскія кладбища съ опрокинутыми предметами, лодками, нартами и пр., принадлежавшими покойнымъ при жизни. Такъ какъ самоѣды вѣруютъ въ загробную жизнь, поэтому они и оставляютъ мертвецамъ кой-что имъ принадлежавшее при жизни — авось понадобится, молъ...

Самоѣды любятъ свою необозримую тундру: она его мать и родная стихія. Какой бы трескучій морозъ, или вѣтеръ не былъ, самоѣду ни по чѣмъ: онъ быстро ѣздитъ по ней на оле-

няхъ, а морозъ только краситъ его лицо. Онъ умѣетъ весьма практично одѣваться, и если во время охоты въ тундрѣ его застанетъ сильный бурянь, онъ ночуетъ прямо въ снѣгу, завернувшись въ одежду изъ шкуръ. Женщины также шьютъ себѣ для веселой ѣзды по бѣлой отъ снѣга тундрѣ, нарядные и живописные костюмы.

Самоѣды гостеприимны, честны, веселы и беззаботны. Жаль, что русскіе безжалостно эксплуатировали ихъ, при обмѣнѣ товара, надѣлая въ тоже время ихъ разными пороками... Послѣ знакомства съ русскими торговцами, самоѣды научились пить вино, играть въ карты, а главное, среди нихъ появились венерическія и др.

болѣзни, которыхъ раньше не было. При отсутствіи же медицинскіей помощи, это доброе племя теперь вымираетъ.

Обмѣнъ товаровъ производятъ богатые самоѣды, уѣзжая для этой цѣли на югъ, къ русскимъ селеніямъ. Взаимнѣ увезенныхъ шкуръ, они привозятъ отъ русскихъ хлѣбъ, чай, табакъ, водку и проч. Бѣдные же остаются на сѣверѣ зимою, лова въ тундрѣ зайцевъ, бѣлыхъ куропатокъ, пецовъ, дикихъ оленей, — чѣмъ и поддерживаютъ свое жалкое существованіе. Во время же вскрытія рѣкъ и губъ, самоѣды неводами и самоловами въ изобиліи добываютъ рыбъ разныхъ породъ, которую употребляютъ зачастую въ сыромъ видѣ.

Сигурдъ Патурссонъ.

Новый гонщикъ.

(Навросокъ).

Быль май мѣсяцъ. Надъ сосюльскимъ рудникомъ поднималось весеннее солнце; косые лучи его, скользя по верхушкамъ лѣса, постепенно проникали въ густую лѣную чащу.

Въ воздухѣ пахло сосновыми почками; всюду цѣли птицы и на болотахъ кнакали лягушки.

Самый рудникъ представлялъ собою большую поляну, сплошь покрытую высокими курганами песка и разныхъ породъ глины, на которыхъ торчали, такъ называемые, бараны, видѣлись шапаны изъ вѣтвей и кое-гдѣ подымался синеватый дымокъ ночныхъ костровъ. У нѣкоторыхъ шахтъ толпились безмолвные группы людей, упорнымъ трудомъ добывающихъ деньги. Тутъ были здоровые мужики, почти дряхлые старики, молодые парни, женщины и дѣвушки. Всѣ они одинаково напрягались, вертя „баранъ“. Въ другихъ мѣстахъ смѣнялась ночная смѣна: изъ глубины шахтъ выѣзжали рудокопы, пуская на свое мѣсто другихъ, работавшихъ наверху. Выѣзжие старались скорѣе сбросить съ себя грязное и промокшее насквозь платье и подышать свѣжимъ воздухомъ: кто сушилъ лапти на кострахъ, кто съ обнаженной головой и растегнутой рубашкой на груди ходилъ взадъ и впередъ, обмѣниваясь разговорами, соскучившись въ теченіе цѣлой ночи за работой въ подземельѣ.

В самом угле поляны виднелось несколько изб, разных конторок и сторожек, за ними возвышалась труба водокачки, из которой валит черный густой дым. Тут же проходила конка, по которой переправлялась руда на долины. Большая артель бабь и дэвок-поденщиц собралась уже у большого вороха руды для нагрузки ея на вагоны. Далѣ лежали кучи землянистаго торфа, у самых изб—штабели досок, кубы древеснаго материала, приговленнаго для подпорок и других укрѣпленій въ шахтахъ.

В самой водокачкѣ, или, какъ ее просто называли, паровой, имѣющей видъ сарая, плохо прикрытаго досками, было невыносимо жарко. Посрединѣ лежалъ большой паровикъ съ несложнымъ приводомъ, около котораго лѣвнвою походкою бродило нѣсколько чумазыхъ, сильно пахнувшихъ масломъ и нефтью, людей. Между ними въ дырвномъ пиджакѣ и броукахъ на выпускъ снова маленькій тѣлесный машинистъ, не менѣе грязный, чѣмъ остальные. У самаго входа въ паровую, на клѣткѣ кирпичей, съ тяжелымъ ломомъ въ рукахъ сидѣлъ пожилой мужчина, одѣтый въ пестрадинную рубаху и „тяжевыя“ штаны, на которыхъ когдѣ висѣли кусочки глины, а рядомъ съ нимъ, мигая глазами, сидѣлъ бѣленькій мальчикъ лѣтъ двѣнадцати.

— Ты куда это, дядя Григорій, ведешь Фролку-то? — спрашивалъ кто-то рудокопа изъ угла паровой.

— Куда? Въ гончики, — отвѣчалъ мужикъ.

— Тга-акъ. Значитъ, будетъ, погулять?

— Да. Пора и за работу приниматься.

— За работу! — Слышишь, Фролка, за работу! — сказалъ одинъ изъ кочегаровъ, проходя мимо мальчика и неожиданно щелкнувъ его по животу такъ, что онъ вздрогнулъ.

— Черти, дьяволы, скоты!

Кто такъ накалил, что за колесо тронуть нельзя? — ругаясь машинистъ у паровика, трогая за маленький маховикъ — регуляторъ пара.

— Кто? Чай, Семка поставился, — сказалъ одинъ изъ черныхъ людей.

Семка, маленький кочегаръ, съ лицомъ, какъ у негра, и въ блузѣ, напоминающей тряпку, которой странухи трутъ блинные сковороды, возилъ на тачкѣ мелкій торфъ въ печь. Онъ поднималъ свое лицо и блестящими глазами своихъ глазъ и зубамъ.

Къ мужику подошелъ помощникъ машиниста, мужчина съ четырехугольнымъ лицомъ и безъ всякой растительности на немъ.

— Вотъ и Костинъ! — указалъ отецъ мальчику на подошедшаго. Костина, точно также, какъ и Семка, узнать было трудно, не смотря на то, что оба они были изъ одного села съ Фролкой. На немъ былъ брезентовый костюмъ и кожаная фуражка, весь онъ былъ мокрый и грязный.

— Такъ. Значитъ, и Фролку въ гончики? — сказалъ участливо Костинъ.

— Не все ему гулять — отозвался отецъ: — дома теперь нечего дѣлать; допрежь вотъ и въ школу водилъ, а теперь кончалъ, экзаментъ сдать... ну, и въ гончики!

И рудокопъ чему-то засмѣялся.

— Семка вотъ давно ужъ деньги отцу приносить, продолжаетъ онъ, окинувъ глазами кочегара, — а нашъ дома нянчился до сей поры.

— Да-а — промычалъ кочегаръ, поглядывъ на Фролку.

А Фролка сидѣлъ и думалъ о предстоящей работѣ, о томъ, какъ онъ будетъ добывать копѣйку, какъ Семка и другіе. Онъ отъ многихъ ужъ слышалъ, что его долго берегутъ, не пускаютъ на работу въ рудники — „балуютъ“. Это послѣднее ему сильно не нравилось. Ему хотѣлось скорѣе приняться за работу, было жалъ только матери, которая такъ вливалась, отпуская его. Самую работу онъ хотя зналъ, но по на-

слышкѣ, и не имѣлъ объ ней яснаго представленія. На рудникѣ онъ бывалъ не разъ, но спускаться въ „дудку“ ему не приходилось. Слышалъ онъ только, что тамъ очень грязно.

— Каторжная ваша работа! — вздохнуть машинистъ, послѣ продолжительнаго общаго молчанія.

— Чего подымаешь? — отвѣчалъ рудокопъ: — наше дѣло таковое — привыкли ужъ...

— Плохая привычка.

— Э-э, лишь бы дѣной не стѣсняли, а собой мы не дорожимъ...

— Водиши вотъ накопилось за ночь пропасть, — докладывалъ, между тѣмъ, помощникъ машиниста, — все утро лили и теперь есть. Небось, сыро у васъ въ „дудкѣ“-то? — обратился онъ къ рудокопу.

— У насъ всегда сыро, — отвѣтилъ послѣдній и продолжалъ понижать голосомъ: — Теперь еще ничего, хотя и весь мокрый работаешь, но тепло, вылезъ — ничего, смѣялись свободно, а вотъ зимой каково! Какъ показало наружу,

Привалъ самоѣдовъ.

Лѣтній костюмъ самоѣда.

Зимній костюмъ самоѣда.

сейчасъ тебя и закуетъ морозомъ; не успеешь оглянуться, рубашка будетъ, какъ колъ.

— Да-а...

У щетки, составляющаго стѣну паровой, на голой землѣ спало двое рабочихъ. Одинъ изъ кочегаровъ поливалъ ихъ сверху водой, остальные хихикали.

— Дѣл у конторы стали плохи, — продолжалъ машинистъ, не обращая вниманія на всѣхъ: — скупы стали: вѣдь вамъ, кажется, сбавили?

— Сбавили, — отвѣтилъ рудокопъ: сперва платили четыре и пятячекъ даже, а нонѣ не угодно ли за три съ половиной пудъ.

— А вотъ скоро и на три съѣдете, — сказалъ кто-то.

— Пожалуй, чего добраго. Вотъ это насъ беспокоитъ хуже всего. А то тамъ грязь и все такое — намъ нѣтъ нужды, мы привыкли, а вотъ это, сбавка-то, нашему брату не по шерсти. Изволь ее, матушку, добавлять оттуда за такую цѣну. Да еще хорошо, ежели она привольна, а то перекопачиваешься съ куска на кусокъ инупору. Бывало и ее было больше и платили дороже — вотъ можно было жить.

— Вообще трудъ подешевѣлъ, — сказалъ машинистъ: — вотъ онъ, тоже помощникомъ машиниста числится, а спроси: сколько онъ получаетъ? машинистъ указалъ на Костина.

— Два рубля въ недѣлю. Чего тутъ.

Костинъ хотѣлъ было поддержать свое матеріальное положеніе въ глазахъ односельца, но машинистъ его перебилъ:

— У насъ, братъ, — сказалъ онъ, — наглотался же тоже пыли-то, да копоти, что твоя „дудка“! Вотъ онъ, гляди на него, пришелъ какой хватъ, а теперь — ни кожи, ни рожи; погоди, вотъ черезъ три года и вовсе съ копылокъ слетитъ!

Костинъ принужденно улыбнулся.

Въ это время одинъ изъ рабочихъ въ горѣломъ и помятомъ ведрѣ несъ воды съ ближняго болота.

— Чай хотите пить? — спросилъ машинистъ.

— Да — отвѣчалъ рабочий.

— Хотимъ завтракать, Иванъ Матвѣичъ! — говорили остальные, расположившись въ одномъ углу паровой на доскахъ, устроенныхъ въ видѣ стога; нѣкоторые же лѣвнво жевали куски съ хлѣбомъ, добренныя съю.

Рабочій взялъ клещами ведро и поставилъ его въ печь паровика. Вода скоро закипѣла; онъ вынулъ ведро и, бросивъ въ него чай, пошелъ совершенно готовымъ къ столу.

— Не угодно-ли, стаканчикъ? — предложилъ онъ рудокопу, — угоstimъ!

— Нѣтъ, благодаримъ! — отвѣчалъ послѣдній и добавилъ: — Насъ, чай, самими ждуть; небось ужъ собрались. Идите же, Фролка.

И Фролка, взявъ себѣ на плечи ломъ, пошелъ въ паровую, направляясь къ „дудкѣ“. За нимъ пошелъ и парникъ.

У дудки, къ которой направлялись Григорій съ Фролкой, уже сидѣло четверо мужиковъ. Они все были шутками встрѣтили одного гонщика.

— Привыкнетъ! — говорилъ за него отецъ: — А Егоръ еще не пришелъ? — спрашивалъ онъ у всѣхъ.

— Нѣтъ, — отвѣчали рудокопы.

— Всегда онъ послѣ полудни не приходитъ, — пожаловался одинъ рыженькій мужичекъ, съ козиной бородой.

— Опохмѣляется небось! — моргнувъ другой, молодой парень, въ картузѣ на бекрень: — да какъ и не выпить, — продолжалъ онъ — вылезъ весь изломанный, только и отрады, что выпешь!

— Вѣрно! — согласились остальные.

— Да ей Богу! Это трезвость наблюдай ужъ кто другой, а нашему брату не до нея!

Фролка только мигалъ глазами и молчалъ.

— Вотъ Фролка и то будетъ пить! — продолжалъ парень.

Вѣрно, вѣдь, а? — обратился онъ къ парникѣ. Изъ лѣсу ковыляющей походкой шелъ еще рудокопъ. Это былъ ожидаемый Егоръ. Онъ, подойдя, виновато посмотрѣлъ на всѣхъ и началъ готовить веревки.

Всѣ встали, начали привязывать бадью и готовить баранъ.

— Фролка поѣзеть первымъ! — заявилъ одинъ изъ рудокоповъ.

Мальчикъ стоялъ и не рѣшался.

Въ бадью спустился его отецъ, затѣмъ тотъ парень, что говорилъ о выпивкѣ. Черезъ нѣсколько времени всѣмъ за третимъ дошла очередь дѣлать и новому гонщику. Его также, какъ и всѣхъ, посадили на кляньенъ (коляно, привязанное перпендикулярно къ веревкѣ) и сверхъ того привязали къ веревкѣ у пояса.

— Ну, малышъ, держись за валь, — сказалъ ему рудокопъ и, приподнявъ, свѣсилъ его надъ дудкой. Онъ схватился, какъ было указано, и повисъ надъ бездною.

— Пускай, теперь пускай, держись только за веревку! — сказалъ рудокопъ и началъ вертѣть. Фролка быстро поѣхалъ въ подземелье, соуп-

стругимъ пискливымъ скрипомъ крутящагося вала. Отъ непривычки владѣть ногами во время спуска, веревка, на которой сидѣлъ онъ, раскручивалась и онъ выскочилъ съ нею кружась, ударясь спиною то объ одну, то объ другую стѣну сруба, которымъ была забрана дудка. Сырой и холодный воздухъ вскорѣ охватилъ его. Сердце его сжалось. Черезъ нѣсколько секундъ томительнаго ожиданія скорѣй достигнуть дна, онъ, наконецъ, почувствовалъ, что больше не движется. Онъ ухватился за веревку и хотѣлъ встать на ноги, но веревка была слаба, и Фролка упалъ въ грязь, которая была на днѣ.

— Досталъ, что-о-ль? — чуть доно-силось ему сверху.

— Готово! — отвѣтилъ за Фролку отецъ, появившись неизвѣстно откуда.

Парнишка посмотрѣлъ вверхъ, и увидѣлъ только дыру, которая, постепенно суживаясь, оканчивалась круглымъ отверстіемъ, величиной съ пятакъ.

— Э-эхъ, вотъ такъ—такъ! — воскликнулъ онъ, и голосъ его глухо отозвался въ пустыхъ ходахъ подземелья.

— Что?! — спросилъ отецъ.

— Какая она... глупо-окая!

— Это еще что, всего—тридцать пять аршинъ, бываетъ и глубже!

Фролка осмотрѣлъ по сторонамъ— кругомъ было мрачно, какъ темною ночью: дневной свѣтъ, падающій сверху, терялся гдѣ-то по срединѣ

дрожащее пламя которой слабо озаряло стѣны подземелья. Можно было различить разныя породы глинистыхъ и желѣзняковыхъ глыбъ, которыя торчали тамъ и сямъ въ стѣнахъ. Передъ ними на колѣняхъ ерзалъ тотъ самый рудокопъ, что шутилъ съ Фролкой. Онъ здѣсь походилъ скорѣе на какого—нибудь фантастическаго гнома, чѣмъ на обыкновеннаго человѣка: рубаха и порты, не исключая лица, были обмазаны чѣмъ-то желтымъ, похожимъ на охру, на головѣ у него была особенная шапочка, напоминающая бабью кичку. При помощи тяжелаго лома онъ сильными ударами билъ въ породы, „онарывая“ чу-

нешь. Жила вышла?—обратился онъ къ товарищу.

— Кажись вышла,—отозвался тотъ.

— Дай Богъ, чтобы такъ...

Оба рудокопа уложили на нѣсколько минутъ; слышались только глухіе удары лома, пыльные вихри вздымающейся пыли.

Какъ только набралась куча руды, отецъ подо-звалъ Фролку и велѣлъ ее складывать въ бадью. Когда бадья была наполнена, отецъ сказалъ мальчику:

— Теперь впрягайся, съ Богомъ!

— Ну-ко, новый гонщикъ! — подзадоривалъ другой рудокопъ.

Фролка все стоялъ.

— Чего еще?—сказалъ отецъ, — вотъ берись и вези!

И онъ сунулъ сыну въ руки грязную привязъ бадьи, которую тотъ машинально взялъ.

— Я не дотащу? — робко сказалъ онъ, смотря на огромную кучу руды.

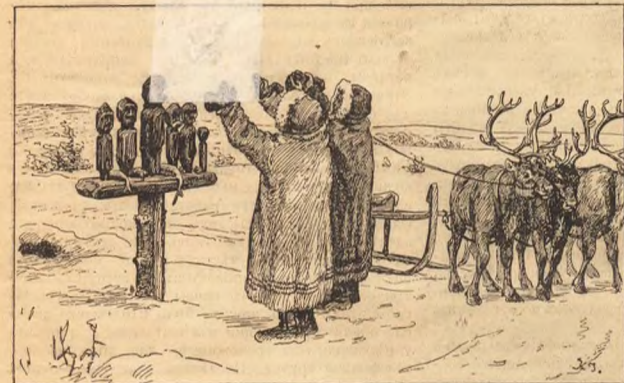
— Довезешь, не ты первый, не ты послѣдній. Гонщики все такіе, какъ ты, а довозить. Тутъ большому и работать нельзя, это сперва тяжело покажется, а потомъ... Ну-ка, съ Богомъ!

Фролка ухватился за веревку и потянулъ бадью.

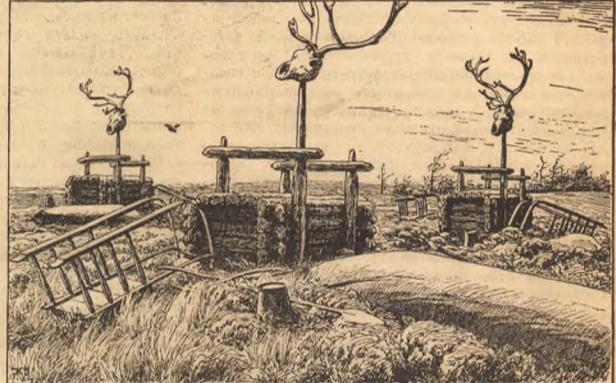
— Ну, ура-о-о-о, Господи благо-слови-и... — сказалъ отецъ и, мускулистыми руками поставивъ бадью на

Жертвоприношеніе у самоѣдовъ.

Поклоненіе идоламъ.

Самоѣдское кладбище.

дудки и на дно ея попадала лишь самая незначительная часть его. Присмотрѣвшись, онъ замѣтилъ въ одной стѣнѣ отверстіе, очень похожее на большую нору, которая была укрѣплена съ боковъ подставами, а сверху—досчатымъ потолкомъ.

— Иди за мной!—сказалъ отецъ и, наклонившись, исчезъ въ этой норѣ.

— Куда?

— А ты иди, иди! — слышался голосъ отца: вотъ здѣсь твоя работа будетъ.

Мальчикъ осторожно нагнулся и полѣзъ вслѣдъ за отцомъ по темной галлерей.

— Только,мотри, не ударься головой,—предупреждалъ его отецъ.

Онъ еще ниже согнулся и полѣзъ ползкомъ. Руки его, попавъ во что-то мягкое, напоминающее сырое тѣсто, нащупали что-то жесткое на шпалы, къ которымъ прикрѣплены были двѣ сырыхъ жерди, въ видѣ рельсовъ. Онѣ были скользяки. Галлерей пошла нѣсколько вверхъ и постоянно изгибалась, то въ одну, то въ другую сторону. Кругомъ канала и брызгала вода и пахло глиной. Наконецъ, спереди показался слабый свѣтъ, по мѣрѣ приближенія къ которому ходъ сталъ нѣсколько просторнѣе. Фролка съ отцомъ вошли въ пространство, похожее на подвалъ, гдѣ было настолько высоко, что мальчикъ могъ свободно встать.

— Вотъ здѣсь будетъ наша работа, — сказалъ отецъ.

Въ углу ямы на желѣзной рогулькѣ, воткнутой въ подпорку, стояла горящая салная свѣча,

Камланы у самоѣдовъ.

гунт. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ отламывалась часть глыбы, которую онъ отбрасывалъ въ сторону.

Рудокопъ, увидавъ Фролку, на секунду остановился и, снявъ свою кичку, отеръ ею вспотѣлый лобъ.

— Малосиленъ, я думаю, — сказалъ онъ, кивая головой на Фролку.

— Ничего, втянется, — отвѣтилъ отецъ.

Рудокопъ снова началъ бить въ каменные стѣны подземелья.

— Ты пока посиди, обгляди здѣсь, — сказалъ отецъ мальчику, вооружаясь ломомъ, — отдохни пока, а тамъ и съ Богомъ... нач-

деревянная рельсы, толкнулъ ее впередъ.

— Вотъ, видишь, какъ легко, — сказалъ онъ Фролкѣ, когда бадья сбѣжала сама собой аршина два впередъ.

Гонщикъ потянулъ сильнѣе за веревку и бадья покатила по скользкому пути. Въ прямомъ направленіи тащить ее было сравнительно не тяжело, но на заворотахъ приходилось долго биться. Все это дѣлалось въ потьмахъ, ползкомъ на колѣняхъ.

Грязный и измученный Фролка, наконецъ, доѣхалъ со своимъ грузомъ до того мѣста, гдѣ оканчивалась галлерей. Слабый дневной свѣтъ снова привѣтствовалъ его изъ мрака.

— Погоди! — сказалъ опять отецъ, вытѣкая вслѣдъ за Фролкой изъ той-же дыры.

— Что, доѣхалъ?

— Доѣхалъ, — отвѣтилъ сынъ, сильно захавшился.

— Э-эй! — доносилось сверху.

— Слышь, кричать! — сказалъ отецъ: — ты имъ тоже отвѣчай, когда привяжешь бадью, — моль, готова!

— Эй, Фролка-а, гото-ово, что-о-ль? — кричали сверху... Звукъ терялся гдѣ-то вверхъ, словно боялся сойти въ подземелье, гдѣ работаютъ люди.

— Ну, кричи имъ — готово! — сказалъ отецъ, привязавъ бадью къ веревкѣ.

— Готово! — крикнулъ негромко и отрывисто мальчикъ.

Веревка вслѣд за тѣмъ стала натягиваться и грузная бадя отделилась отъ земли и пошла вверхъ.

— Теперь только бойся, какъ бы кусокъ не упалъ въ голову — сказали отецъ:— пока не спустятъ снова бадю, уходи къ сторонкѣ, вотъ сюда.

Сказавъ это, онъ поѣлъ въ свою нору, а гонщикъ сталъ ждуть, пока не спустятъ ему пустую бадю, чтобы вновь доставить ее къ мѣсту добычаванья руды, а оттуда опять толкать съ грузомъ. Онъ теперь знаетъ, что его работа будетъ состоять именно въ этомъ, и продолжаться весь день до вечера, нѣсколько дней, нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть, и вплоть до самой смерти...

— Держи-и! — минутою спустя, послышалось сверху и верхнее отверстие дулки открывшееся было, вновь закрылось спускающейся бадьей. Фролка немощно посторонился, чтобы кадка не ударила его въ голову, и потомъ, развязавъ ее, опять потащилъ по рельсамъ.

Проходняй.

Къ рисункамъ.

Утесъ Чѣтъ на р. Томи близъ г. Кузнецка. Въ предѣлахъ Томской губернии, кромѣ живописнаго Алтая, охотно посѣждаемаго путешественниками и туристами, находится въ Кузнецкомъ уѣздѣ, такъ называемый, Кузнецкій Ала-тау съ рѣчками Мрасть-су, Кондома, Валькъ-су—притоками Томи и съ верховьями этой рѣки. Густая мрачная тайга покрываетъ горы и долины. Въ лѣсахъ пріютились улусы черкешевъ татаръ, занимающихся звероловствомъ, промысломъ кедровыхъ орѣховъ, изрѣдка земледѣльемъ, пчеловодствомъ и скотоводствомъ, если позволяетъ таежная мѣстность. Въ этомъ же районѣ кое-гдѣ разбросаны золотые пріиски, затерявшіеся въ таежной глуши.—Массы выпадающаго снѣга чрезвычайно затрудняютъ земныя сообщенія, и потому мѣстное рѣдкое населеніе принуждено пользоваться лыжами, лѣтвомъ же сношенія между населенными пунктами происходятъ или водой на лодкахъ, или верхомъ по таежнымъ тропинкамъ; только изрѣдка, какъ исключеніе, попадаетъ узенькая колесная дорожка, причудливо завивавшаяся при выборѣ болѣе удобнаго мѣста. Рѣка Томъ въ этой мѣстности имѣетъ совершенно горный характеръ, быстро спускаясь въ скалистыхъ берегахъ по порожистому дну, усѣянному мелкими и крупными, торчащими мѣстами изъ воды камнями. Громадные утесы съ рѣзко очерченными напластованіями песчанника говорятъ о древнемъ геологическомъ прошломъ. Поднимаясь на такой утесъ и въ сразу попадете въ мрачное царство тайги, но мѣстною черни. Внизу подъ вѣтвями чувствуется сырость плохо провѣтриваемой почвы, на которой густая травнистая растительность находитъ обильную влагу и въ сравнительно короткое лѣто достигаетъ громаднѣхъ размѣровъ, затрудняя движеніе не только человека, но и лошади.

На нашемъ рисункѣ изображенъ одинъ изъ утесовъ, носящій у мѣстныхъ инородцевъ названіе Чѣтъ. Объ этомъ утесѣ, у подножія котораго вода бурлитъ и пѣнитъ вслѣдствіе свалившихся камней, инородческое воображеніе создало слѣдующую легенду: «Давно это было. Въ тайгу около Томи забрелъ чужой громадный чертъ. Таежные черти, поменьше и ростомъ, и силой, были недовольны приходомъ чужестранца и стали его беспокоить,

чтобы выгнать изъ своихъ владѣній. Но они боялись вступить съ нимъ въ рукопашную и, собравшись группою начали дѣлать приездку всякія каверзы. Тогда онъ рѣшилъ уйти въ другое мѣсто и вышелъ къ утесу на берегу Томи. Утесъ былъ громадный и крутой. Чужестранецъ съѣлъ на край его и задумался, какъ быть. Таежные же черти воспользовались его раздумьемъ, подкрались тихою сади и всѣ сразу дунули на него. Отъ этого дуновенья образовался такой сильный вѣтеръ, что чужестранецъ—чертъ, не успѣвъ ухватиться и удержаться, слетѣлъ съ утеса въ рѣку и разбился, отчего нынѣ вода въ этомъ мѣстѣ бурлитъ и сердится».

Новости науки и изобрѣтений.

Климатъ геологическаго прошлаго.

Давно уже извѣстно, что нѣкогда земля находилась при совершенно иныхъ климатическихъ условіяхъ, чѣмъ теперь. Во время, такъ называемаго, третичнаго періода на островѣ Гренландіи, напримеръ, водились растенія, которыя нынѣ могутъ расти только въ Италіи и другихъ южныхъ странахъ. Точно также земля пережила періоды, когда современная страна съ умирненнѣмъ климатомъ были покрыты сплошнымъ льдомъ. Вопросъ о причинахъ, вызвавшихъ такіе рѣзкіе измѣненія климата, интересенъ не только для людей науки, но и для всего человѣчества, ибо эти причины могутъ опять проявиться и снова покрыть нашу землю ледянымъ покровомъ. Многочисленныя изслѣдованія для выясненія этихъ причинъ не привели еще къ какой-либо бесспорной теоріи. Профессоръ Фрешъ въ Бреславлѣ недавно опубликовалъ новую гипотезу, основанную на многихъ опытахъ. Согласно этой гипотезѣ, на измѣненіе температуръ атмосферы значительно влияют содержаніе въ ней углекислаго газа. Чѣмъ больше этого газа въ воздухѣ, тѣмъ больше солнечной теплоты поглощаетъ онъ и тѣмъ выше температура атмосферы. Съ уменьшеніемъ содержанія углекислаго газа, воздухъ отражаетъ значительно большее количество солнечной теплоты въ пространство и охлаждается, хотя бы въ обоихъ случаяхъ солнце одинаково сильно нагревало землю. Въ настоящее время въ воздухѣ содержится обыкновенно 0,03% углекислаго газа. Уменьшеніе этого количества на двѣ трети можетъ вызвать пониженіе температуры земного шара на 4—5 градусовъ, а увеличеніе содержанія углекислаго газа въ воздухѣ въ два-три раза повыситъ температуру на 8—9 градусовъ. Измѣненіе температуры земного шара на такое количество градусовъ можетъ имѣть огромныя послѣдствія.

Однако, возможны-ли такіе измѣненія содержанія въ воздухѣ углекислаго газа. По повѣшнымъ воззрѣніямъ, газъ этотъ переходитъ въ атмосферу, главнымъ образомъ, изъ внутренности земли при вулканическихъ изверженіяхъ. Химическія и биологическія же измѣненія, происходящія въ природѣ, только потребляютъ этотъ газъ, но не увеличиваютъ содержанія его въ воздухѣ. Поэтому въ эпохи, богатая вулканическими изверженіями, количество углекислаго газа увеличивается и климатъ земли становится теплѣе. До конца каменнаго періода, какъ доказываетъ профессоръ Фрешъ, на всемъ земномъ шарѣ господствовалъ теплый равномѣрный климатъ. Затѣмъ на южномъ полушаріи наступилъ краткій ледяной періодъ. Послѣ этого опять наступилъ теплый равномѣрный климатъ. Въ иѣло-

вомъ періодѣ началось образованіе поясовъ съ различными климатами. Въ началѣ и концѣ третичнаго періода климатъ сталъ преимущественно теплымъ, благодаря усиленному дѣйствию подьемныхъ силъ. Затѣмъ температура падала, совершенно прекратилась дѣятельность вулкановъ и наступилъ ледяной періодъ. Возобновленіе вулканическихъ изверженій постепенно привело къ нашему геологическому періоду.

Изслѣдованія профессора Фреша даютъ первую обоснованную и подтвержденную опытами гипотезу климатическихъ пережвѣвъ на земномъ шарѣ.

Отысканіе золотоносныхъ пластовъ при помощи электричества.

Золотоносные пласты отыскиваются въ землѣ обыкновенно способомъ буренія. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ определенной поверхности пробуриваются глубокая отверстія, достаютъ отсюда обломки горныхъ породъ и ищутъ въ нихъ слѣды золота. Способъ этотъ слишкомъ дорогой, такъ какъ иногда приходится безуспѣшно пробуривать тысячи отверстій. Въ послѣднее время открыли способъ искать золотыя жилы, скрытающіяся въ глубокіхъ слояхъ земной поверхности при помощи электричества. Изобрѣтены для этой цѣли англійскими электротехниками Вильямсомъ и Дафтомъ аппаратъ, напоминающій аппаратъ Маркони, употребляемый для телеграфированія безъ проводовъ, и также основанъ на свойствахъ электрическихъ волнъ. Какъ извѣстно, Маркони посылаетъ въ пространство электрическія волны, которыя и являются передатчиками телеграммъ. Аналогично поступаютъ Вильямсъ и Дафтъ. Но они посылаютъ электрическія волны въ землю. Для полученія этихъ волнъ они употребляютъ нѣсколько сложный аппаратъ. Соприложеніе, которое электрическія волны встрѣчаютъ при проникновеніи въ почву, понятнѣе, мѣняется въ зависимости отъ вещества, которое онѣ встрѣчаютъ на своемъ пути. Нѣкоторыя горныя породы представляютъ большое сопротивленіе, а металлы, наоборотъ, уменьшаютъ сопротивленіе. Этимъ обстоятельствомъ и пользуются изобрѣтатели для нахожденія золотоносныхъ жилъ. Они измѣряютъ во время изслѣдованія сопротивленіе, которое встрѣчаютъ въ почвѣ электрическія волны, и рѣзкое паденіе сопротивленія сразу показываетъ, что волны наткнулись на металлическую жилу. На изслѣдуемой поверхности работаетъ три человека. Одинъ изъ нихъ, посылая съ помощью аппарата электрическія волны въ землю. Двое другихъ втыкаютъ въ разныхъ мѣстахъ земной поверхности шесть, снабженные аппаратомъ для воспріятія электрическихъ волнъ изъ почвы, обратнѣе. Измѣненіе силы этихъ волнъ можетъ быть наблюдаемо двумя способами: при помощи измѣрительнаго аппарата укрѣпленнаго на треножнѣ, или съ помощью телефонной трубки. Послѣдняя устроена такимъ образомъ, что при прохожденіи черезъ нее электрическихъ волнъ она гудитъ. Когда сила волнъ мѣняется, тогда и звуки то понижаются, то повышаются. При прохожденіи черезъ однородные слои почвы звуки равномѣрны. Какъ только измѣрительный аппаратъ и телефонъ указываютъ на присутствіе металлическаго слоя, мѣсто это отмѣчается и тамъ приступаютъ къ буренію. Новый аппаратъ для отысканія золотоносныхъ пластовъ недавно примѣненъ въ Трансваалѣ и далъ прекрасные результаты.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

ВНОВЬ ОТКРЫТА.
оборудованная новѣйшими аппаратами

ФОТОЦИНКОГРАФІЯ

Принимаетъ заказы на изготовленіе **мѣдныхъ и цинковыхъ клише** для всевозможныхъ иллюстрацій и репродукцій.

Цѣны: отъ 20 коп. за кв. дюймъ—за изготовленіе клише съ рисункомъ перомъ, копій съ гравюры, касти и чернилъ и отъ 40 коп. за кв. дюймъ—съ реліефной копией. Фотографій и фотографій (всѣмъ клише не менѣе 10 штукъ) по платонку клише за 10 коп.

Систы выполняются по первому требованію. Исполненіе заказовъ быстрое и аккуратное. Заказы адресовать: Томскъ, Фотоцинографія П. И. Макушина.

Складъ
ТОЛЬКО ЛУЧШИХЪ
ВЕЛОСИПЕДОВЪ
у П. Рукавишникова.

Томскъ, Духовская, № 3-й.